

Ральф Кесслер, Хартмут Рюдигер Петер

**ПРОБЛЕМА КОМПЕНСАЦИЙ
ЖЕРТВАМ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА
НА ВОСТОКЕ ГЕРМАНИИ
И РОЛЬ СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ
(1945—1949 годы)¹**

Отношение общества к собственной истории (как это еще раз продемонстрировало развитие последних лет) — всегда актуальная тема политических и исторических дискуссий и анализов. По окончании второй мировой войны в Германии речь шла не только об уничтожении остатков национал-социализма, наказании и искуплении совершенных преступлений и восстановлении разрушенной страны. Уже тогда возникла проблема осознания прошлого и выработки собственной ответственности в борьбе против его забвения и отрицания. И появилась задача возмещения ущерба тем, кто стал жертвой преступной системы. В первую очередь, было необходимо выплатить репарации народам, подвергшимся нападению со стороны Германии. Но этот вопрос касался и тех немцев, которые преследовались нацистами. Часто это были люди со схожей судьбой, те, кто по политическим, религиозным или этическим мотивам отказывались от сотрудничества с нацистами или активно им противостояли. Кстати, эти люди отчасти способствовали реабилитации морально дискредитированного немецкого народа. Миллионы евреев в результате преследования лишались имущества, изгонялись из страны, были замучены и убиты нацистами. Все те, кто пережил режим «Третьего рейха», после освобождения в мае 1945 г. оказались ни с чем, потеряли родственников и друзей, не имели средств к существованию, вернулись из тюрем и лагерей физически и психически искалеченными. Они все, несмотря на катастрофическую ситуацию, в которой находился немецкий народ после войны, имели право на возмещение ущерба, если их страдания вообще могли быть возмещены.

Советская оккупационная зона (СОЗ), позднее ГДР, получила большую долю «внешних репараций», т.е. репараций странам, подвергшимся нападению, положение же в области «внутренних репараций», т.е. возмещения ущерба жертвам национал-социалистов, было намного сложнее. Вскоре после окончания войны вновь разрешенные партии включили требование репараций в

свои первые программные заявления. Параллельно с этим администрации некоторых федеральных земель в СОЗ обнародовали законодательное регулирование этого вопроса. Оно было нацелено на меры по обеспечению срочной помощи преимущественно жильем, мебелью, топливом, одеждой и, не в последнюю очередь, работой, медицинским обслуживанием, сюда же относились меры по причислению к категории лиц, получающих больше продовольствия, по продуктовым карточкам, а также гарантированное обеспечение более высокой пенсией по старости, болезни и пособиями родных и близких лиц, убитых нацистами. Эти меры проводили в жизнь, как правило, бывшие политические заключенные от обеих рабочих партий, причем коммунисты вскоре стали играть доминирующую роль.

Осуществление политических намерений, нацеленных на компенсацию ущерба жизни, здоровью, собственности и профессиональному росту тем, кого официально в СОЗ стали обозначать как «жертва фашизма», во всех четырех оккупационных зонах было связано между собой. Но уже общая направленность, ценностные ориентации и общественные цели уполномоченных во вновь созданных немецких органах управления в отдельных оккупационных зонах и позже в обоих немецких государствах были различными. Это послужило основой оформления различных приоритетов, путей и результатов политики возмещения. В Восточной Германии ситуация осложнялась тем, что новые политические хозяева в советской зоне, в основном коммунисты, считали себя единственными настоящими и последовательными антифашистами. В основанной в 1949 г. ГДР коммунистически понимаемый антифашизм стал своего рода государствообразующей идеологией².

Конечно, основные принципы, рассчитанные на политическую перспективу, оккупационные власти формулировали совместно или каждая соответственно сфере своих полномочий, что всегда касалось и вопроса репараций. Уже в июле 1944 г. на лондонском заседании Европейской консультативной комиссии в Лондоне представители союзников приняли документ, который устанавливал, что после победы новые немецкие власти ликвидируют соответствующие дискриминационные законы и будут обязаны заботиться о тех, кто был арестован «по политическим причинам или вследствие каких-либо национал-социалистических действий, законов или распоряжений, на основании расы, вероисповедания или политических убеждений». Эта формула была подхвачена первыми документами Контрольного совета союзни-

ков и вошла в Потсдамское соглашение. Кроме того, прокламация № 2 Контрольного совета союзников от 29 сентября 1945 г. ориентировала на будущие постановления Контрольного совета в отношении собственности, прав, претензий и интересов лиц, преследовавшихся по расистским, религиозным и политическим мотивам, и тем самым продемонстрировала общее намерение союзников помимо элементарных мер по освобождению и уничтожению дискриминации предпринимать дальнейшие шаги на этом пути.

Правда, эти решения остались на уровне декларации намерений, поскольку в дальнейшем — не принимая во внимание меры по юридической реабилитации и закон Контрольного совета № 18 от 8 марта 1946 г., который регламентировал преимущественное обеспечение жилищной площадью жертв национал-социализма, — союзники не могли договориться по поводу согласованного образа действий в вопросе о репарациях. К тому же само определение круга лиц, имеющих права на возмещение ущерба, по своим последствиям амбивалентно. Во всех оккупационных зонах это привело на практике к отказу в возмещении ущерба целым группам жертв — это касалось, например, осужденных национал-социалистической юстицией дезертиров, поскольку они не могли доказать политические мотивы своих действий, и лиц, подвергшихся принудительной стерилизации.

Отсутствие общей союзнической позиции стало причиной того, что репарационный вопрос по-разному решался в отдельных оккупационных зонах. В ожидании совместного союзнического постановления практика репараций в советской зоне ограничивалась социально-политическими мерами для репатриантов из концлагерей и тюрем или для близких и родственников лиц, погибших от рук нацистов, причем постепенно из неотложной социальной помощи формировался долговременный институт. Поскольку советские оккупационные власти не выражали заметного интереса, а новые восточно-немецкие партии не имели тогда концептуального представления о репарационной политике, последняя оставалась поначалу своего рода самопомощью. Она организовывалась, прежде всего, лицами, ранее преследовавшимися национал-социалистами, особенно членами традиционных рабочих партий, которые с 1946 г. были все без исключения членами СЕПГ и вскоре заняли ключевые позиции в консультационных пунктах для жертв фашизма на местах и в масштабах всей оккупационной зоны. Их специфическое понимание себя как представителей «другой Германии», которые — в про-

тивоположность большинству населения — оказывали осознанное сопротивление и теперь претендовали на центральное место в восстановлении общества, оказало значительное влияние на дискуссию о принципах репараций в советской зоне оккупации. Это представление о себе бывших узников нацизма вело к их элитарному добровольному отмежеванию не только от остального населения, но и от других групп, преследовавшихся нацистами³, и существенно повлияло на юридическое определение общественного статуса и состава той группы лиц, которая официально обозначалась сначала как «жертвы фашизма», а с 1947 г. все чаще как «лица, преследовавшиеся нацистским режимом» (ПНР).

Уже в первые постановления по социальному обеспечению жертв фашизма в СОЗ бывшие жертвы политического преследования, прежде всего коммунисты, внесли такую формулировку, которая привела к образованию своего рода двуклассового общества из признанных жертв фашизма. Существовали различия между «борцами» и «жертвами», причем к последним среди прочих причисляли евреев, преследовавшихся по религиозным и «неполитическим причинам». Они, чтобы быть признанными жертвами фашизма и соответственно обслуживаться, были обязаны засвидетельствовать более долгий по сравнению с «борцами» срок заключения. Пакет полагающихся им услуг тоже был значительно меньшим. Их интересы были обойдены, особенно в вопросах, касающихся финансовой поддержки, выплаты пенсий и медицинского обслуживания. К тому же все более политизированной вскоре стала практика признания в качестве «жертв фашизма», причем важную роль играло представление о себе бывших бойцов сопротивления, рост их сомнений по отношению к тем, кто «всего лишь подвергался преследованиям». Вскоре для признания жертвой фашизма политическая благонадежность и гражданская позиция в духе политики СЕПГ стали важнее, чем сам факт политических гонений в нацистский период. А потому все больше людей лишалось статуса жертв фашизма и, соответственно, прав на репарационные выплаты и преимущественное обеспечение. К тому же случаи лишения статуса вплетались в контекст различных политических кампаний послевоенных лет, таких, например, как кампания против бывших западных эмигрантов, ранее членов СДПГ («людей Шумахера»), и жертв фашизма, которые участвовали в югославском сопротивлении.

Наконец, в 1950 г. в ГДР впервые произошло массовое лишение статуса «жертв фашизма» целой группы преследовавших-

ся нацизмом членов общества «Свидетели Иеговы». Это общество в этом же году было запрещено в ГДР, а преследование его членов в годы правления нацистов трактовалось как преследование якобы агентов «американского разведывательного центра». «Свидетели Иеговы» насчитывали в 1932 г. в Германии примерно 30 000 членов и с самого начала по религиозным соображениям не подчинялись нацистской диктатуре, поэтому были надолго заключены в гитлеровские концлагеря. До конца существования ГДР они были запрещены и не получали никаких возмещений.

Интерес советской военной администрации в Германии (СВАГ) к практическим мерам по осуществлению социальной политики возмещений по отношению к жертвам фашизма был незначителен. Он проявлялся от случая к случаю и лишь тогда, когда вместо уволенного нациста нужно было трудоустроить жертву фашизма. Впрочем, оккупационные власти исходили из того, что компенсации являлись, в первую очередь, проблемой самих немцев. Это было действительно так, но при этом они упускали из виду, что ими же изданные законы чрезвычайно ограничивали саму возможность организации системы социальных возмещений. Так, преждевременно принятое решение о замораживании всех немецких вкладов без ограничений распространялось и на жертв фашизма. Общая нехватка продовольствия и горячего, которая только усугублялась репарационными выплатами, сводила на нет решения предпочтительного обеспечения жертв фашизма продуктами питания и топливом. К таким постановлениям относились и некоторые указы СВАГ, которые должны были облегчить условия жизни немецкого населения, как, например, указ № 28 (январь 1948 г.) по социальному страхованию. Социальное обеспечение лиц, пострадавших от нацистского режима, целиком было построено на импровизации, но постепенно положение стабилизировалось, и положение официально признанных жертв фашизма стало лучшим, чем остального населения. Отсутствовало только урегулирование репарационного вопроса, единого для всей зоны оккупации, которое бы заменило разрозненные предписания федеральных земель и разрешило бы противоречивость некоторых законов и указов СВАГ.

С 1947 г. в СОЗ под руководством центрального аппарата СЕПГ началась напряженная работа по созданию программы репарационного законодательства. Толчком к этому послужило требование жертв фашизма разработать систему единого и стабильного регулирования вопроса о возмещениях. В решении этого вопроса большую роль играл целый ряд политических мо-

тивов. В том же году после длительной подготовки было основано «Объединение лиц, преследовавшихся нацистским режимом» (VVN)⁴. Оно занималось не только вопросами наказания преступников и преодоления национал-социалистического прошлого, в его программу было включено и требование возмещений. С позиции СЕПГ это объединение было скорее проектом, ориентированным на внешнеполитический престиж страны. Включение его как первой организации в Международное объединение бывших политических заключенных (FIAPP — Federation Internationale des Anciens Prisonniers Politiques) пробило международную изоляцию ГДР. Кроме того, признание VVN, многие члены которого были коммунистами, являлось частью политического признания СЕПГ. Наконец, по мере создания собственных проектов репарационного закона в западных зонах оккупации и буржуазными партиями советской зоны юридическое оформление вопроса о репарациях становилось все более актуальной политической проблемой. Руководство СЕПГ воспринимало сложившуюся ситуацию как конкурентную, поскольку в СОЗ до сих пор еще не приступали к разработке центрального аспекта любой репарационной политики — к вопросу возмещения экономического ущерба.

Речь шла о возмещении ущерба и компенсации бывшей собственности жертв нацизма. Спектр видов собственности простирался от некогда «ариизированного» имущества евреев, политических и прочих эмигрантов, украденных нацистами предприятий и предметов ценности до домов и мебели. Особняком стоял вопрос выплаты репараций партиям, организациям и религиозным обществам. И все же некоторые соображения по этому поводу уже имелись. В сентябре 1945 г. Тюрингия первой из немецких земель по инициативе бывших заключенных Бухенвальда приняла закон о репарациях. Весной 1946 г. на этой основе центральное финансовое управление СОЗ и Центральное управление по вопросам труда и социального обеспечения, курирующее жертв фашизма, занялось вопросом компенсации утраченного имущества и собственности. При рассмотрении связанных с этим проблем зональными инстанциями с самого начала был обозначен ряд оговорок. Так, тяжелое экономическое положение рассматривалось как препятствие для всеобъемлющих мер по возмещению ущерба, и подчеркивалась необходимость создания надзонального, общенемецкого урегулирования. Ответственность за его разработку возлагалась на плечи союзников и советские оккупационные власти. В конце 1945 г. СВАГ в ходе денаци-

фикации издала ряд указов о конфискации бывшей нацистской собственности. Секвестирование касалось также той собственности, которая ранее была отнята нацистами у евреев и других жертв. Таким образом, возможность максимально полной компенсации ущерба зависела в конечном счете от того, как союзники — или в ином случае советская оккупационная власть — решат использовать эту собственность.

Данная проблема принималась во внимание уже тогда, когда в августе 1947 г. рабочая группа СЕПГ под руководством Пауля Меркеля, который, еще будучи в плену, сформулировал концепцию репараций евреям, приступила к разработке закона о репарациях. Поэтому в различных концепциях изначально присутствовал ряд оговорок касательно применения секвестрированной собственности в будущем. В общем и целом составленные до января 1948 г. законопроекты были направлены на возмещение оставшегося имущества посредством единого репарационного фонда, который еще следовало образовать. Компенсация должна была затрагивать только тех *физических* лиц или их ближайших наследников, которые на момент издания указа проживали на территории Германии. Из сферы действия закона изначально исключалось имущество, перешедшее после 1945 г. в категорию «народной собственности». В случае, если возмещение ущерба было невозможным, должно было «с учетом социального положение претендента» осуществляться «соразмерное возмещение» из общего репарационного фонда.

В январе 1948 г. Центральный секретариат СЕПГ, будучи *de facto* высшей немецкой инстанцией в СОЗ, принял проект закона о репарациях. Поскольку в СОЗ не существовало единого законодательного органа, он должен был приниматься федеральными парламентами. К большому удивлению администрации Восточной Германии СВАГ в июне 1948 г. опротестовала законопроект, воспрепятствовав тем самым его принятию. Парадоксальным образом причиной такого шага оккупационных властей стал указ СВАГ по денацификации, лишней раз подтвердивший, какое ничтожное значение на фоне реорганизации имущественных отношений в СОЗ Советский Союз придавал вопросу о возмещениях: указ № 64 военной администрации от 17 апреля 1948 г. завершал процедуру конфискации бывшего нацистского имущества, объявив его «народной собственностью» и запретив передачу его частным лицам. Закон о репарациях, опиравшийся, в первую очередь, на идею возмещения собственности, лишился тем самым твердой почвы под ногами.

Результатом этих процессов стало противоречие между стрем-

лением к единообразному урегулированию вопроса о возмещениях и политико-идеологическими интересами. Весной 1948 г. в аппарате СЕПГ состоялась дискуссия, в ходе которой возмещение ущерба именно евреям объявлялось «капиталистическими репарациями», и на той основе, что немецкий народ не обязан нести ответственность за гитлеровские преступления, подвергалась сомнению любая необходимость в выплате репараций.

В том же году СЕПГ впервые официально заговорила о «социалистическом строительстве», что само собой подразумевало несколько модифицированный подход к отношениям собственности, в том числе и при решении вопроса о возмещениях. В то же время СЕПГ испытывала значительное влияние со стороны VVN, ожидавшего от закона о репарациях реорганизации системы обеспечения жертв фашизма, поставленной из рук вон плохо. Во второй половине 1948 г. советские оккупационные власти впервые продемонстрировали активный позитивный интерес к такому закону. Это было связано, с одной стороны, с тем, что репарационный вопрос тогда рассматривался как составная часть общенемецкого послевоенного порядка. С другой стороны, политически ангажированная советская элита должна была следовать московской политике на Ближнем Востоке, позитивное отношение которой к проблемам образующегося государства Израиль способствовало конструктивному подходу к вопросам репараций.

В этой ситуации обе стороны приложили максимум усилий к созданию новой редакции закона, где центральным был не вопрос возмещения собственности, а проблема возмещения вообще. По их подсчетам, всеохватная компенсация стоила бы 1,5 млрд марок, приблизительно столько же, сколько составляли ежегодные репарационные взносы Германии Советскому Союзу. Ввиду ограниченности финансовых и экономических возможностей советской зоны оккупации намеченные положения о компенсации ущерба сокращались все больше, а идеологический мотив, направленный против «возмещения капиталистических интересов», играл все более значительную роль. Вскоре, по мере того как ухудшались отношения с Израилем и в СССР началась инсценировка кампании против «безродного космополитизма», направленной, в первую очередь, против еврейской интеллигенции и вылившейся в роспуск в конце 1948 г. советского «Еврейского Антифашистского Комитета» (с последующими арестами и казнями его членов), стал затухать и интерес военной администрации к этому вопросу.

А накануне основания ГДР руководство СЕПГ окончательно

отказалось — и вряд ли без одобрения военной администрации — от урегулирования экономического аспекта репараций. Принятое 5 октября 1949 г. постановление содержало лишь модернизированные формулировки по социальному обеспечению официально признанных жертв фашизма. Оно было опубликовано еще перед основанием ГДР, поскольку его разработчики опасались протестов со стороны VVN и стремились уклониться от нежелательных дискуссий в будущем парламенте ГДР. Потому данная позиция, которая за весь период существования ГДР ни разу не была подвергнута сомнению, была против какой-либо экономической компенсации ущерба. Ситуация ужесточалась исключением в 1950 г. из партии и арестом в рамках антисемитской кампании (после дела Сланского) яркого протагониста выплаты компенсаций евреям в руководстве СЕПГ Пауля Маркеса и последовавшего в этом контексте запрета VVN в феврале 1953 г.⁵

Итак, результаты репарационной политики были довольно противоречивыми. Восточнонемецкий вариант решения вопроса о репарациях привел в последующие годы, невзирая на немногочисленные издержки, к улучшению благосостояния политических борцов Сопротивления и их потомков, которые среди населения ГДР воспринимались как привилегированное сословие. Это происходило за счет сокращения прав других групп жертв фашизма и частично на фоне их полного вытеснения из репарационной политики. Компенсация ущерба изгнанным с территории Германии лицам, и прежде всего евреям, — не принимая во внимание наметившиеся в этом направлении в эпоху Хонеккера сдвиги — не была осуществлена⁶. Только ФРГ выплачивала репарации Израилю, где выделение группы жертв фашизма происходило по другим принципам. Впрочем, здесь, как и в ГДР, гомосексуалисты, жертвы эвтаназии, иностранные рабочие, цыгане, а также значительная часть дезертиров принадлежали к «забытым» категориям⁷. Их судьба и позже не стала предметом серьезных дискуссий в ГДР. В обеих частях Германии не существовало репарационной политики, соответствовавшей масштабам причиненного нацистами страдания. А в ГДР понятие «народной собственности» стало не только аспектом политики денацификации, но частью совершенной нацистами несправедливости.

¹ Подробнее об этой проблеме см.: *Kessler R., Peter H. R. Wiedergutmachung im Osten Deutschlands 1945—1953: Grundsätzliche Diskussionen und die Praxis in Sachsen-Anhalt.* Frankfurt a. M., 1996.

² См.: *Danyel J. (Hg.). Die geteilte Vergangenheit. Zum Umgang mit*

Кесслер Р., Петер Х. Р. Проблема компенсаций жертвам нацистского режима

Nationalsozialismus und Widerstand in beiden deutschen Staaten. Berlin, 1995; *Grunenberg A.* Antifaschismus — ein deutscher Mythos. Reinbek bei Hamburg, 1993.

³ *Kessler R., Peter H. R.* Antifaschisten in der SBZ. Zwischen elitärem Selbstverständnis und politischer Instrumentalisierung // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Berlin, 1995. H. 4. S. 611—633.

⁴ Ср.: *Reuter E., Hansel D.* Das kurze Leben der VVN von 1947 bis 1953. Berlin, 1997.

⁵ См. также: *Hartwig H.* Zurückgekehrt: Die Geschichte der juedischen Kommunisten in der DDR. Кцлн; Weimar; Wien, 2000.

⁶ См.: *Timm A.* Hammer, Zirkel, Davidstern: Das gestoerte Verhaeltnis der DDR zu Zionismus und Staat Israel. Bonn, 1997.

⁷ См.: *Herbst L., Gyscher C.* (Hg.) Wiedergutmavhung in der Bundesrepublik Deutschland. Muenchen, 1989; *Gyscher C.* Wiedergutmachung: Westdeutsch-land und Nationalsozialisms (1945—1954). Мьнchen, 1992.

Перевод Н. Сустретовой